

Спиритизм и Русская православная церковь в России

Рубеж конца XIX – начала XX вв. является одним из самых сложных и противоречивых этапов в истории отечества и русской культуры в целом. Нарастание острых социальных противоречий, ожидание неизбежных глобальных перемен являлись в этот период характерной особенностью общественного мироощущения. Обострившаяся ситуация внутри страны, недоверие к правительству, ощущение близкого краха прежнего государства, а вместе с ним и привычных форм жизненных устоев протекали на фоне глубокого духовного кризиса, переживаемого в эту переходную для России эпоху. Естественным результатом развития идей рационализма и позитивизма стало то, что православие, как и вся христианская церковь в целом, к концу XIX в. в значительной мере утрачивает свой статус господствующей идеологии, имевшей ранее определяющее значение для развития культуры и формирования общественных взглядов. Вместе с тем, уже к середине XIX в. возобновляется интерес к духовной и мистической проблематике. Так, исихастская традиция Оптиной пустыни, волна религиозно-философских поисков, став, по словам Н. Бердяева, к XX в. «духовным ренессансом», являли собой оппозицию все более нарастающему материализму. Но, как известно, была у этого возрождения и обратная сторона; распространение оккультно-мистических учений, сект, тайных организаций, масонских лож в это время приобрели значительный размах.

Одним из таких направлений, получивших в этот период широкую известность, стало учение Алана Кардека хорошо знакомое в русском обществе под названием спиритизм. На латинском языке «спиритус» обозначает дух, по своему существу спиритизм есть учение об общении с духовным миром. Причем мир духовный здесь понимается в узком смысле, то есть как общение с душами умерших людей. Второе название этого некогда популярного оккультного течения было – медиумизм. Медиум, или если перевести с латинского, «посредник», выступал связующим звеном между миром духов и нашим земным существованием. Он представлял собой важнейший элемент практически всех спиритических сеансов. По существу медиумами являлись люди с более чувствительной душевной организацией, позволяющей им воспринимать и передавать сообщения невидимых для «простых смертных» собеседников. Существующий в форме различных кружков и объединений спиритизм, не имел ни четкой единой структуры своего учения, ни единого организационного центра, наподобие христианской церкви обеспечивающего целост-

ность всему религиозному течению. Так разбросанный почти по всему миру, пестрый конгломерат спиритических обществ объединялся двумя положениями, подробно разобранными его апостолом Аланом Кардеком: верой в существование потустороннего мира и возможность общения с душами умерших. Вместе с тем имеющиеся и порой значительные разногласия в религиозно-философских представлениях различных спиритических «школ» не помешали медиумическим сеансам, во множестве описанным различной литературой, быть в целом очень похожими один на другой⁵⁹⁹.

Своими корнями история спиритизма уходит в глубокую древность магических обрядов, философских воззрений и религиозных представлений. Вера в существование загробного мира, в бессмертие души и возможность входить в общение с духами предков являлась достоянием как древнего мира, так и современных нам традиционных культур. В этом смысле спиритические представления, никогда не исчезая из человеческого мировоззрения в той или иной форме, тайно или явно, продолжали существовать в жизни общества, терпеливо дожидаясь времени для своего обновленного возрождения. Что и произошло в 1848 г. в Соединенных Штатах Америки в семействе Фокс, где двум сестрам Маргарет и Кети якобы удалось с помощью стуков установить связь с духом прежнего хозяина их дома. Большой интерес к сестрам и форме их общения с невидимым существом привели к немалочисленным экспериментам в этой области, в результате которых многие в себе также открыли необыкновенные способности. Стуки раздавались везде: в стенах, в полу, в мебели, но чаще всего в опытах общения с представителями загробного мира использовали столы. Они стучали, передавая сообщения духов, вращались, поднимались в воздух, в результате этого спиритизм стали также называть «столоверчением». Дальнейшее распространение его носило весьма стремительный характер. Попав из Америки в Англию, а затем в Германию и во Францию, он окрашивался в особый, характерный для менталитета этих стран колорит. Так, можно сказать, что в Англии спиритизм носил более научный характер, в Германии его развитие шло более в духовно-мистическом русле, а во Франции он приобрел рационально-философское осмысление.

В середине XIX в. спиритизм проникает из Европы и в Россию. Как отмечал еще в 1871 г. исследователь этого феномена В. Снегирев «он... был достоянием аристократии, члены которой, путешествуя по западной Европе от нечего делать, приносят домой всякие диковинки»⁶⁰⁰. К 1853 г. спиритизм стал «модной забавой» главным образом в кругах ари-

---

⁵⁹⁹ См.: Аксаков А. А. Анимизм и спиритизм: критич. исслед. М., 2001.

⁶⁰⁰ Снегирев В. Спиритизм как религиозно-философская доктрина // Православный собеседник. 1871. Янв. С. 16.

стократии. Множество спиритической литературы, свободно разгуливающей в русском обществе, естественным образом приводило к быстрому распространению «нового» оккультного учения. Так о своем «Стологадании», изданном в этот год, митрополит Филарет напишет: «Меня озабочивало распространение стологадания в Москве, я почел себя обязанным дать сие предостережение приходским священникам, для предостережения прихожан, в которых они усмотрят любопытство, к сожалению, слишком возбужденное ведомостями и журналами»⁶⁰¹. И все же интерес к спиритизму в этот период в основном сводился лишь к форме проведения досуга, а не обращению к его религиозно-философской доктрине или тем более рассмотрению его как объекта научного анализа. Такой узкий, можно сказать «бытовой» подход (судя по характеру сеансов, описанных в различных источниках) всегда будет присутствовать на протяжении всей истории духообращения. Но «по мнению исследователя П. А. Гелевы следует отделять вульгарный спиритизм как салонное развлечение от учения связывающего человека со вселенной»⁶⁰².

В период Крымской войны желание получить предсказания от духов об исходе военной компании и судьбах своих близких возрастает, а вместе с ним возрастает и мания столоверчения. Но все же подлинный интерес к спиритизму как феномену начинается в России, когда на него обратили свое внимание образованные представители петербургского общества и видные деятели научной мысли. Вслед за известными европейскими учеными свой интерес и поддержку медиумическим проявлениям оказали представители из русской академической среды. Это конечно, в свою очередь, не могло не вызвать острой полемики по данному вопросу. Так активное участие в спиритических сеансах профессора химии, академика А. М. Бутлерова, профессора зоологии Н. П. Вагнера, а также популяризация идей спиритизма видным общественным деятелем, блестяще образованным представителем своего времени А. Н. Аксаковым повлекли за собой резкую критику столоверчения со стороны отечественных ученых. В 1875 г. по инициативе профессора Д. И. Менделеева была создана комиссия Физического общества для изучения таинственных явлений. В ее отчетных «Материалах» медиумические явления и сам спиритизм были отнесены Менделеевым к области шарлатанства и суеверий. И, несмотря на усилия Аксакова, опубликовавшего в последствии полные материалы по работе Физического общества, известные как «Разоблачения», а позже как «Памятник научного предубеждения», где он в своих комментариях обвинял комиссию в недобросовестном и предвзятом отношении к изучаемому ими предмету, все же подлинный

---

⁶⁰¹ Мнения, отзывы и письма Филарета митрополита Московского и Коломенского, по разным вопросам: за 1821–1867 гг. М., 1905. С. 194.

⁶⁰² Спиритизм, парапсихология, уфология. М., 1992.

интерес к спиритизму в академических кругах был утрачен. Однако ни мнение, ни деятельность даже такого корифея науки как Д. И. Менделеев, так и не смогли поставить окончательную точку в деле русского спиритизма. Напротив, как было отмечено уже в ту эпоху Достоевским, так и современным исследователем А. А. Панченко, «шумиха, поднятая Менделеевым и его сторонниками, не только не погасила, но, по всей видимости, стимулировала общественный интерес к спиритизму»⁶⁰³.

Наряду с научными спорами и бурным цветением столоверчения, превратившемся чуть ли не «в салонную игру»⁶⁰⁴, рассмотрение спиритизма шло так же и в мировоззренческом ключе. В творчестве таких видных деятелей русской мысли как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, в мистических исканиях В. С. Соловьева спиритизм и проблема широкого увлечения им в обществе также получили свое отражение и оценку. Но и здесь он не нашел для себя поддержки. И даже В. С. Соловьев в своих поисках всерьез обратившийся к спиритизму вскоре полностью разочаровался в нем. Он пишет: «Я некоторое время серьезно интересовался спиритизмом и имел случай убедиться в реальности многих из его явлений; но практическое занятие этим предметом считаю весьма вредным и нравственно, и физически»⁶⁰⁵. Однако если для естественнонаучной мысли проблема спиритизма разрешалась просто отрицанием реальности его феноменов, то для представителей области умозрительной она заключалась в самом состоянии русского общества, для которого это оккультное течение стало не только модным увлечением, но можно сказать даже потребностью. Потребностью, порой доходящей, как видно в «Плодах просвещения» Л. Н. Толстого, до крайней степени глупости. Критикуя работу Менделеевской комиссии, в 1876 г. в своем «Дневнике писателя» Достоевский отмечал: «Читая „отчет“, решительно начинает казаться, что эти наши ученые предполагали спиритизм существующим в Петербурге единственно лишь в квартире А. Н. Аксакова и ничего ровно не знали о жажде, проявившейся в обществе, к спиритизму, и на каких основаниях спиритизм собственно у нас, у русских, начал распространяться. Но они все это знали, а только пренебрегли»⁶⁰⁶. Таким образом, именно в этот период колебаний, отсутствия четких мировоззренческих позиций и духовных оснований спиритизм получил возможность завоевать внимание и приобрести широкое распространение своим идеям в русской среде.

---

⁶⁰³ Панченко А. А. Спиритизм и русская литература: из истории социал. терапии // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М., 2005. С. 535.

⁶⁰⁴ Там же. С. 535.

⁶⁰⁵ Кравченко В. В. Вестники русского мистицизма. М., 1997. С. 66.

⁶⁰⁶ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: за 1876 г. СПб., 1883. С. 148.

Однако помимо желания добиться общественного и научного признания, была у спиритизма еще одна вполне конкретная цель. Представляя собою мост между миром реальным и духовным, соединив в себе два плана бытия, спиритизм считал себя в праве претендовать на новый тип универсального и всеобъемлющего религиозного мировоззрения. Для этого спиритизм готов был сосуществовать с любыми религиозными формами, исповедание которых включало представления о загробном мире и бессмертии души. Но особое внимание он уделял христианству. Вместе с тем, обращаясь к христианской традиции, спириты использовали лишь нравственную часть евангельского учения. Стремясь к просвещению и моральному преобразованию общества, они отвергали саму сущность христианства, пытаясь, хотя изначально и не явно, но стать на его место, называя себя «„третьим откровением Божия закона“, новой „мировой религией“ – без храмов и священников, замененных сеансами и медиумами»⁶⁰⁷. Именно в сравнении с христианским вероучением, широко эксплуатируемым спиритизмом, и выявляются противоречия основных его положений. В этой связи особого внимания заслуживает позиция Русской православной церкви.

Если в научной среде полемика шла вокруг фактических проявлений спиритизма, если в области умозрительной он рассматривался в контексте оппозиции материалистическому, позитивистско-гносеологическому и утилитарному мировосприятию, то церковь оценивала его как ересь, представителем которой заявляла, что ее положения не противоречат основам христианского вероисповедания, более того, что учение спиритизма является соратником церкви в ее борьбе с «веком неверия», и что оно так же как христианство трудится над распространением идеалов нравственного совершенствования человека и любви к ближнему. Совершенно очевидно, что православная церковь в таких сторонниках не нуждалась и практически с самого начала спиритического движения в России неустанно обличала его как злейшее лжеучение своего времени. Показательны в этом смысле некоторые места из переписки одного из ярких церковных представителей своего времени митрополита Филарета (Дроздова) с настоятелем Свято – Троицкой Сергиевой Лавры архимандритом Антонием, из которых становится очевидным, что церковью этой проблеме отводилось особое внимание. Изданные еще в конце XIX в. и охватывающие собой период с 1831 по 1867 гг. письма Филарета являются свидетельством первых шагов спиритизма в России, а вместе с тем и свидетельством глубокой пастырской озабоченности за судьбы русского общества, всегда с готовностью откликающегося на различные новинки западноевропейской культуры. «Слышите, думаю, о ворожке столами», – пишет он к архимандриту Антонию в октябре 1853 г.

---

⁶⁰⁷ *Надеждин А.* Спиритизм перед судом Христианства. СПб., 1896. С. 5.

«В Петербурге, в Париже, и в Москве, столы говорят, что через них говорят умершие. Посылаю вам выписку из письма, которое мне случилось писать о сем в Петербург. Скажите мне как это вам покажется, и не годится ли, чтобы сделать сие известным для остережения могущих принять остережение. На сих днях мне попала французская книга, в которой пишется, ... что столы проповедуют преобразование христианства и государства так, как мудрецы 1848 года»⁶⁰⁸. Совершенно очевидно, что для Филарета спиритизм являлся не только проблемой особого значения, но и требующей незамедлительного церковного вмешательства. Так, 2 ноября 1853 г. он пишет отцу – настоятелю: «Выписку из письма о столוגадании думаю напечатать и раздать священникам... Посему посылаю присем рукопись отдайте о. ректору Академии, чтобы ее прорецензировали, и прислали ко мне незамедлительно»⁶⁰⁹. В своем небольшом тексте под названием «О столугадании», московский митрополит осудил «духоволхование» как опасное занятие, а вместе с тем и наметил основные направления для последующей церковной критики этого явления. В нем говорится, что тайны будущего по промыслу Бога являются сокрытыми от человека, и сами попытки при помощи столугадания «отпереть оное поддельными ключами», заключают в себе, по словам Филарета, не мало вины. Даже если гадателям действительно отвечают души умерших, запрет на вопрошание к духам, как и на любое другое гадание, содержится уже в Ветхом завете (Втор. 18. 9-12). К тому же, нет никакой уверенности, что именами умерших ложно не представляется кто-нибудь иной. «Но ложь не принадлежит чистым существам; отец лжи есть диавол. Итак, столугадатели осторожно должны размыслить, с кем имеют дело, и от кого хотят узнать сокровенное»⁶¹⁰. Несмотря на достаточно традиционное для церкви толкование таинственных спиритических манифестаций, издание московского митрополита было популярно и среди высшего общества, к тому времени уже достаточно искусенного наследием европейской прогрессивной мысли. Так, в том же 1853 г., 10 ноября он сообщает своему другу о. Антонию: «Мне пишут, что выписку из письма о столугадании слушала Государыня Цесаревна, и изъявила удовольствие, и велела благодарить меня, и предоставить ей два списка, один для нея, а другой, чтобы послать Государыне Императрице в Гатчину. Слава Богу, что Ея высочество христиански видят вещи»⁶¹¹. Немного позже к нему же: «Вы требовали выписки из письма о

---

⁶⁰⁸ Письма Митрополита Московского Филарета к наместнику Св.-Троицкия Сергиевы Лавры Архимандриту Антонию 1831–1867. Ч. 3. М., 1883. С. 230.

⁶⁰⁹ Там же. С. 230.

⁶¹⁰ *Филарет Дроздов*. О столугадании. М., 1853. С. 5.

⁶¹¹ Письма Митрополита Московского Филарета к наместнику Св.-Троицкия Сергиевы Лавры Архимандриту Антонию 1831–1867: в 4 ч. Ч. 3. М., 1877–1884. С. 232.

стологадании. Хотя было напечатано 1200 экземпляров: однако у меня осталось уже очень мало и из сих еще нужно послать в некоторые уездные города. И потому нечего послать к вам»⁶¹². Из всего выше изложенного можно заключить, что для митрополита Филарета уже с первых шагов спиритизма в России было очевидным, что он представляет собой сложное явление, с которым пришлось столкнуться православной церкви и русскому обществу в целом. Несмотря на то, что из Петербурга ему приходили сообщения о том что «многие вразумились и оставили сие» занятие, он все же считал, что «нельзя не опасаться, что люди, которые не суть чада послушания, не оставят следовать любопытству и страстям, и трудно угадать, куда дойдет»⁶¹³. И хотя в письмах речь о спиритизме шла преимущественно как о волховании, а сущность самого учения, резко противоречащего христианскому вероисповеданию, не затрагивалась, уже в те годы он был осужден духовными авторитетами как занятие для народа опасное, а для христиан православных уже давно запрещенное Богом. Вместе с тем, не может быть сомнения, что стологадание и спиритизм для Филарета являются тождественными феноменами. В его письме от 15 апреля 1864 г. мы можем прочесть следующее: «Что я прежде писал против стологадания, и что сделалось очень известным: то идет и против спиритизма»⁶¹⁴.

Таким образом, именно из отрицания какой-либо причастности спиритизма к христианству и к православию, в частности, а также из утверждения его несомненной опасности для общества складывалась определяющая позиция русской церкви по отношению к спиритической ереси. Далее можно выделить тот факт, что изначально, вслед за сторонниками спиритизма, представители церковной мысли признавали реальность спиритических явлений, но причиной лежащей в их основе, за исключением очевидного обмана со стороны медиумов, чаще всего считали диавола.

Так неоднократно печатался в различных духовных изданиях рассказ некоего увлекавшегося спиритизмом П. Рускова, на сеансе которого, по его свидетельству, он получил от духа признание, что тот является дьяволом и производит все спиритические явления «для искушения людей» и «для погубления рода человеческого»⁶¹⁵.

Но даже не этим был страшен спиритизм для церкви. С момента возникновения и на протяжении всей своей истории христианство вело борьбу с «врагом рода человеческого». Гораздо большую опасность, по мнению сторонников церковной мысли, представляла его исключитель-

---

⁶¹² Там же. С. 240.

⁶¹³ Там же. С. 245.

⁶¹⁴ Письма Митрополита Московского Филарета к наместнику Свято – Троицкия Сергиевы Лавры Архимандриту Антонию 1831–1867: в 4 ч. Ч. 4. М., 1877–1884. С. 246.

⁶¹⁵ Русков П. Из области спиритических тайнодействий. Баку, 1887. С. 19.

ная обольстительность, заключающаяся не столько в практике спиритов, сколько в их философских взглядах, с легкостью прилагаемых к различным мировоззренческим представлениям и религиозным формам. В своей работе «Спиритизм перед судом Христианства» А. Надеждин пишет: «Для своей прививки к обществу спиритизм не требует, чтобы люди сразу забыли все, во что доселе верили, и отрешились от наследственных порядков и понятий; он готов, напротив, уживаться со всякими верованиями, тем более с христианскими, никого не стесняя и стараясь угодить вкусу каждого и только понемногу и постепенно развивая: в одних – людях боле равнодушных – пустое любопытство и желание испытать новое ощущение, в других – людях скептических – легкое сомнение, в третьих – полуверующих и отчасти набожных – стремление к мистицизму, способное согреть сердце и дать отраду в жизни, особенно среди тяжелых обстоятельств или близкой смерти; одних из последователей он обольщает свободою в религиозном отношении и будущей безнаказанностью – в нравственном, других – ревностью о духовном благе людей, иных – наглядным и будто бы осязательным разрешением будто бы непонятных в христианстве вопросов. Вот в чем обаяние спиритизма, вот в чем и опасность этой духовной эпидемии для современного общества, – легкомысленного, в деле веры индифферентного или невежественного, нервно-беспокойного и жаждущего новизны и сильных ощущений»⁶¹⁶. Не на практику медиумических сеансов, успех которых зачастую зависел от ряда условий, а именно на философскую сторону своего учения спириты возлагали главные надежды. Для представителей церковной мысли и сторонников христианской традиции сектантский характер спиритизма был очевиден. Но использование спиритизмом многих христианских положений и частое подкрепление своих воззрений текстами Св. Писания ставило перед ними необходимость дать более основательную оценку этого опасного для русского общества явления. Сожалея, о том, что в академической среде ученые, не уделив должного внимания медиумическим проявлениям, так и не смогли остановить распространение оккультизма в России, они со своей стороны обрушили всестороннюю критику на религиозно-философскую доктрину спиритов. В отдельных работах, посвященных вызывателям духов, статьях регулярно появляющихся в периодических изданиях духовенство и православные исследователи обличали спиритизм как учение призванное подорвать основы христианства. В частности, письмо одного пустынноика, опубликованное в «Домашней беседе» в 1864 г., содержит мнение, что стологлаттеры преследуют две цели: тайная это – простая денежная нажива, осуществляемая за счет многочисленных подписчиков на издания спиритического толка; явная же цель «на развалинах христианской веры... создать новую, одну

---

⁶¹⁶ Надеждин А. Спиритизм перед судом Христианства. СПб., 1896. С. 7.

для всего земного шара религию»⁶¹⁷. И действительно они представили свое учение как новое божественное откровение, откровение духов – третье, после учений Моисея и Христа. Именно оно, по мнению спиритов, и является христианством истинным. Подобные претензии представителей потустороннего мира наглядно подчеркивали антихристианский характер спиритического учения. Вместе с тем при обращении к «догматической» стороне медиумизма становилось очевидным, что, имея под собой многовековую историю, «новым» это учение уже вряд ли может быть названо. Так основное положение спиритизма – о предсуществовании души, а так же связанные с ним представления о воплощении и переселении душ, в той или иной форме, на заре человеческой истории являлись достоянием многих древних цивилизаций и философских систем. Церковь, уже давно осудившая и отбросившая их как пережитки прошлого, считала эти воззрения несостоятельными в рамках христианского представления о душе и ее дальнейшем предназначении. Тоже можно отнести и к их учению о перисприте, по-русски «придух», тонкой полуматериальной оболочке, в которую, по мнению духовызывателей, заключена душа; а также к их положению о единообразии духовного мира, отрицающего существование ангелов и демонов и признающего реальность лишь одного рода духов – душ человеческих. Для истории развития человеческой мысли подобные идеи не представляли собой новизны и встречались как у представителей философской традиции, так и среди христианских мыслителей. Вместе с тем, как не раз отмечалось христианами исследователями, возрожденные в спиритизме и используемые в их философской системе они приводили к ряду логических противоречий и натяжек. Для этого достаточно обратиться к учению апостола спиритов Алана Кардека.

По его мнению: «Бог сотворил всех Духов простыми и несведущими, т. е. без всякого знания. Каждому из них Он назначил служение с целью просветить их, дать им возможность через познание истины достигнуть совершенства и приблизиться к Нему»⁶¹⁸. Возможность эту Кардек видел в неизбежном для душ воплощении, которое в свою очередь должно было носить добровольный характер. Так духи, по мнению спиритов, стремящиеся к совершенству и сближению с Богом, интуитивно тяготеют к воплощению как к единственно верному способу достижения блаженства. Вследствие добровольного «падения», заключающегося в принятии материальной природы, они сознательно подвергали себя страданиям, которые неизбежно связаны с телесным существованием, а вместе с ним и греховности как свойственной спутнице плоти. Посте-

---

⁶¹⁷ Еще словцо о спиритизме // Домашняя беседа. СПб., 1864. С. 448.

⁶¹⁸ *Дмитриевский И.* Спиритизм: опыт исследования вопроса с точек зрения: естественнонауч., ист., филос. и христ. Харьков, 1910. С. 17.

ленно развиваясь, проходя испытания посылаемые Богом, переходя из воплощения в воплощение, души, по мнению спиритов, освобождались от всех несовершенств, грехов и привязанностей материального мира. Оставив все недостатки материи, они становились совершенными – чистыми духами. С точки зрения спиритизма, к совершенству призваны все духи, разница между ними лишь в количестве воплощений требуемых для развития каждого из них. «Одни из них принимают испытания эти с покорностью и скорее достигают цели своего назначения; другие же переносят их с ропотом и остаются, таким образом, по собственной своей вине, удаленными от совершенства и обещанной награды»⁶¹⁹. Но спрашивается где же в этой системе здравый смысл? Ведь по учению самих же спиритов одной из важнейших категорий характеризующих природу Бога является божественная справедливость. По их же теории, сотворенные Богом души были простыми, не имеющими никакого знания, а значит и не имели за собой никакого греха. Таким образом, выходит, что благой Бог обрекал свои создания, не имеющие перед Ним никакой вины, на плотскую жизнь полную скорбей, болезней и страданий. Но разве не в Его власти было сотворить их более совершенными. Не говоря уже о том, что ранее просто не сведущие и не совершенные души, воплотившись, неизбежно отягощались грехами плоти, которые божественная справедливость требовала искупить новыми воплощениями, связанными вновь с различными лишениями и муками. Таким образом, что в христианстве человеческий род получил как наказание за свое преступление, в спиритизме является волей Бога по отношению к Его творению – человеку и единственной возможностью для последнего достичь блаженства. И хотя каждый шаг на пути совершенствования облегчает участь человека в последующих его воплощениях, в чем, по мнению спиритов, заключается «новое доказательство правосудия Божия и новое побуждение для Духов идти путем воли Божией»⁶²⁰, все же подобная участь людей вызывает лишь сожаление. Вместе с тем следуя логике спиритов, справедливость Бога как награждает за достижения, так и неминуемо требует расплаты за любой совершенный человеком проступок. Исходя из этого, все несчастья, преследующие человека в его земном существовании, являются божественным возмездием за сотворенные им в прошлой жизни злодеяния. И хотя спириты считают, что есть варианты, когда души для наиболее быстрого продвижения по духовной иерархии специально выбирают для себя тяжелую судьбу, все же и это является свидетельством того, что в спиритизме удел блаженства не доступен человеческому роду без множества страданий, искушений и труда. Священник Дмитриевский замечает по этому поводу, что такой подход «искажает поня-

---

⁶¹⁹ Там же.

⁶²⁰ Там же. С. 21.

тие Бога, унижает человека и разрывает живой союз Бога с человеком. По спиритизму, Бог – не любовь, а безусловная справедливость. Здесь подменено основное понятие, и это не замедлило сказаться на всей системе спиритизма. Бог спиритов не любит людей, а воздает всем по заслугам. Любовь его ограничилась только одним актом творения мира и человека, а затем уступила место справедливости. Он не прощает, а судит, не награждает, а воздает... Это не отец любящий, а справедливый владыка. Отсюда и люди – только рабы его, а никак не дети. Они вышли на работу и знают, что получают ровно столько, сколько заработают. Смысл их жизни не в Боге, не в единении с Ним, а в самих себе; в том, чтобы избегать всего, чтобы не вредить себе... Не сердце и помышления, не настроение их ценно перед Богом, а дела; Он считает все преступления человека и за каждое зло другому человек понесет соответствующие наказание сам... Здесь уже не может быть – «прощаются тебе грехи твои», «вера твоя спасла тебя», ибо «Бог не прощает без условий, кроме раскаяния нужно еще искупление...» И так очевидно, что «у детей отнят отец и приставлен судия, который на всякую просьбу – «дай» отвечает вопросом: «а имеешь – ли ты на это право и на каком основании я дам тебе?»... Возвышенный нравственный союз Бога с человеком здесь заменен юридическим, законническим... Человек – не родня Богу, он чужой ему; он сам создает свою судьбу... он стоит перед лицом Божиим совсем не в положении безответного, всем ему обязанного грешника, а в сознании некоторой независимости; обещанную награду он ожидает получить не по милости Божией, а как должное за труды. Ему нельзя молиться: «Боже, будь милостив ко мне грешному», ибо если у него нет дел добрых, то он не может получить милость»⁶²¹. Но спиритам она и не требуется. Что в христианстве человек получает, прибывая в надежде на божественную любовь и по благодати, спасаясь милостью Бога, то спириты приобретают безусловно, искупая свои грехи, в том числе и прежних существований своими новыми воплощениями. Однако естественным выводом такого самоискупления становится отрицание основного христианского догмата – жертвы, заплаченной сыном Божиим за искупление человеческого рода. В системе спиритов, отрицающей первородный грех в каноническом смысле, она становится просто не нужна. По спиритизму первородный грех – это содеянные человеком проступки в период его первого воплощения и никакого отношения к падению прародителей он не имеет. Бог, по спиритизму, по своей благодати и справедливости не может взыскивать с людей за преступления ветхозаветных прародителей, так же как и лишить человека навсегда вечного блаженства, обрекая его на вечные страдания даже за один совершенный им, но смертный грех. Отрицая такие грехи, которые человек не смог бы иску-

---

⁶²¹ Там же. С. 145.

пить собственными усилиями, хотя бы и ценой множества жизней. Отказываясь от спасительной жертвы Христа и ставя под вопрос необходимость Его воплощения, они поставили под сомнение и саму Божественность Его природы, которую позже уже прямо отрицали. Если Кардек с большой осторожностью высказывался по поводу личности Христа, то его последователи прямо заявляли, что Он не является Богом. И будучи Сыном Божиим только по благодати, а не по естеству, Иисус Христос оставался для спиритов только человеком, хотя и признаваемый некоторыми из них за великого спирита, который, по словам духов, творил чудеса, «потому, что подобно Будде, Моисею, Илии, Пифагору,... знал тайны божественной магии». Нередко высказывания в адрес Спасителя носили более резкий характер. Так на Всемирном конгрессе спиритов в Брюсселе в 1910 году русским делегатам было прямо заявлено, «что только из-за отсутствия в России политических свобод и изобилия невежества и темноты в народе у них еще держится представление о Христе как о Боге. Во всех других странах, за исключением двух небольших религиозных общин в Швейцарии, спириты уже давно развенчали Спасителя и считают его обыкновенным человеком, и даже обыкновенным медиумом. Более того, современный медиум – целитель Пиле из Дуэ якобы имеет больше основания называться Христом»⁶²². Справедливо-сти ради отметим, что встречались в среде спиритов и признающие в Иисусе Христе истинного Сына Божия, но число их было весьма незначительным.

Таким образом, не смотря на заявление о своей непротиворечивости христианской религии, становится очевидным, что спиритизм по своему существу есть учение противное христианству, точнее является «истинным антихристианством». Вместе с тем православное духовенство отмечало опасность спиритических взглядов для общества и чисто в нравственном смысле. Бесконечные разговоры о любви к ближнему, беспредельной милости Бога к человеку, приводили к отрицанию дьявола и вечности адских мучений. Что в свою очередь могло создать иллюзию безнаказанности в традиционном религиозном смысле, а через это подвести к духовной распущенности. Ведь неизбежное развитие в многочисленных существованиях в конечном итоге все равно приведет все души к совершенству и состоянию наивысшего блаженства. Разве мала вероятность того, что человек знакомый с идеями спиритизма, не признающий ни дьявола, ни ада, не поддастся искушению отложить свое исправление до следующего воплощения? В Афонском послании 1867 г. о спиритизме говорится: «беседуя с спиритами о истинах Евангельских, диавол, под видом любви к ближнему, услаждает сердца их, уверяя в

---

⁶²² *Брачев В. С.* Прошлое и настоящее Русского масонства: 1731–2006. СПб., 2006. С. 29.

беспредельном милосердии Божиим к роду человеческому, и положительно отвергает учение Св. Евангелия о вечном мучении грешников... откуда же учение о безнаказанности грешников, как не от отца лжи, дьявола, который таковым пагубным учением отгоняет от человека страх Божий, ввергает его в беспечность и погубляет душу»⁶²³. Ставя своей целью преобразование общества, спириты считали, что так же как и христианская церковь смогут вести его к идеалам нравственного совершенствования. Но проповедываемые ими правила «благочестия» в сущности не выходили за рамки всем привычных моральных норм. Однако и их соблюдали далеко не все приверженцы спиритизма. Обман и корысть медиумов, лживость, грубость, вульгарность и даже богохульство самих духов являлось далеко не редкостью на спиритических сеансах.

Вместе с тем, как уже выше упоминалось, спириты утверждают, что их учение является новым откровением. И если христианство дает человеку надежду на лучшее будущее, то спиритизм дает несомненность этого будущего. «Потому, что он говорит о загробном мире устами самих обитателей этого мира»⁶²⁴. В доказательство своих взглядов спириты часто прибегали к авторитету Св. Писания. Но в священных текстах нигде не говорится о том, что души по своей или чужой воли могли свободно являться с того света и сообщать живым людям тайны своего бытия. В священных текстах христианства сообщается всего лишь два случая явлений из загробного мира, имеющих в свою очередь исключительное значение. Так явление Моисея и Илии на горе Фавор в момент Преображения Господня сопровождало собой событие особого религиозного значения. О втором событии, также исключительном, повествует нам Ветхий Завет. В нем содержится рассказ о царе Сауле, пожелавшем узнать свое будущее и при помощи аэндорской волшебницы вызвавшем почитаемый им дух праведного пророка Самуила. Однако дальнейшая судьба оставленного Богом царя, навряд ли могла бы способствовать утверждению идей спиритизма, особенно в среде людей верующих. Дух пророка грозно осудил Саула за нечестивое обращение к мертвым и за то, что тот не исполнил божественной воли, предрек ему и его сыновьям скорую гибель. Данный библейский сюжет, достаточно точно проиллюстрировавший типичный спиритический сеанс, вместе с тем является свидетельством печальной участи ожидающей тех, кто осмелится ослушаться Бога. Так содержащийся уже в Ветхом завете запрет на занятия магией и волхованием любого рода, в том числе и посредством духов, относится и к занятию спиритизмом, как к делу мерзкому перед лицом верховного Божества. Других же мест свидетельствующих о явлениях усопших живым людям Библия не содержит.

---

⁶²³ С Афона о спиритизме. СПб., 1867. С. 8.

⁶²⁴ *Дмитриевский И.* Спиритизм. С. 58.

На основании всего выше изложенного можно заключить, что наряду с отрицанием божественности Иисуса Христа, традиционное церковное учение о Боге Отце и Святом Духе в спиритизме также приобретает другое звучание. Вместе с Божественной Благодатью замененной на справедливый, но безжалостный мертвый закон, свидетельствующий об обращении больше к иудейской традиции, нежели к христианской, не нашлось в спиритизме места ни для Церкви, ни для священнослужителей. Таким образом, от канонического христианства и, в особенности от православия у спиритов не осталось ничего. Спиритизм, подвергнутый жесткой критике, был строго осужден православной церковью. Не добавляя ничего нового, кроме сомнительных свидетельств душ умерших людей, он лишь раскачивал основы христианской церкви в этот и без того сложный в духовном плане для России период. Протоиерей Васютинский писал: «Медиумические сеансы и самое учение спиритов, не признающих ни Иисуса Христа, ни грехов, ни наказуемости за грехи, приходится по вкусу людям развращенным умом и сердцем и ведут этих людей к окончательной гибели в смысле нравственно-религиозном»⁶²⁵. Или как отмечал неизвестный автор, критикуя работу А. Болтина, что «надо потерять рассудок, или лучше сказать, надо совершенно обезуметь, чтобы не видеть в спиритизме дьявольского наваждения явившегося по попущению Божию, вследствие всеобщего упадка благочестия»⁶²⁶.

В завершение еще раз отметим, что в целом являясь общей тенденцией характерной для XIX в., спиритизм отражал назревшую в обществе острую духовную потребность и стремление приобщиться к мистическим переживаниям. Но, не представляя собой в этой области ни малейшей новизны и ценности, несмотря на значительную популярность, которую он смог приобрести в России, интерес к нему вскоре значительно ослаб. Однако, окончательно не исчезая из жизни русского общества, он продолжал существовать в узких немногочисленных кружках, перекликаясь своими идеями с другими оккультными течениями того времени.

Хорошо известен спиритизм и современному человеку. Обширная литература по оккультизму является распространенной и доступна для любого обывателя. И редко кого можно удивить объявлениями подобного содержания: «...старейшая петербургская ясновидящая и медиум... Предсказание будущего с помощью ясновидения, связи с миром Духов и Ангелов-хранителей...»⁶²⁷ и т. д., они во множестве содержатся как в Интернете, так и в различных популярных газетах и журналах. Очевид-

---

⁶²⁵ *Васютинский Ф., прот.* Спиритизм и взгляд на него с точки зрения слова Божия. Харьков, 1910. С. 17.

⁶²⁶ *П-ва. Н.* Русский спирит // Домашняя беседа. 1867. № 31. С. 780.

⁶²⁷ Центр плюс. СПб., 2007. 6 марта.

но, что немалое количество подобного рода «чудодеев» свидетельствует о значительном интересе к оккультным явлениям и сегодня. Вместе с тем, не выступая судьями и предоставляя каждой личности право на самоопределение, остается лишь надеяться, что период, охарактеризованный священником Буткевичем Т. еще в 1886 г. как состояние «болезненного развития духа человеческого» завершится. Устав от шарлатанов, общество наконец-то обратится к доводам разума и многовековому опыту религиозных традиций формировавших столетиями фундаментальные культурные основания.